

6. Подшибякина Т.А. Когнитивная свобода - новая политическая свобода XXI века // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 468. – С. 93-100.

7. Симонова С.С. Влияние популяризации цифрового пространства на современного человека // Научные записки молодых исследователей. – 2021. – №5. – С. 64-70.

8. Сидорова Т.А. Методологические аспекты регулирования нейроисследований и нейротехнологий в нейроэтике // Философия и культура. – 2020. – № 8. – С. 29-45.

9. Филипова И.А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании // Lex Russica. – 2021. – № 9. – С. 119-130.

Кучеренко Егор Андреевич¹

Студент 2 курса Института государства и права
Тюменского государственного университета
stud0000292110@study.utmn.ru

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПОНЯТИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. В современном мире все сложнее игнорировать появление систем искусственного интеллекта в правовом поле, в связи с чем возникает необходимость разрешения возникшей неопределенности относительно юридически корректного определения понятия «система искусственного интеллекта» и определения степени ее правосубъектности, а также решения проблем правового регулирования деятельности с использованием таких систем. Данная статья посвящена предложению возможных путей решения некоторых из этих проблем.

¹ Научный руководитель: Холодионова Юлия Владимировна, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, правовое регулирование, использование искусственного интеллекта в практической деятельности.

Kucherenko Egor Andreevich

2nd year student at the Institute of State and Law,

University of Tyumen

stud0000292110@study.utmn.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE LEGAL CAPACITY: CONCEPT, ISSUES AND POTENTIAL LEGAL REGULATION

Abstract. In the modern world, it is increasingly difficult to ignore the emergence of artificial intelligence systems in the legal field, and therefore there is a need to resolve the created uncertainty concerning the legally correct definition of the concept of “artificial intelligence system” and determining the degree of its legal personality, as well as solving the problems of legal regulation of activities using such systems. This article is devoted to suggesting possible solutions to some of the problems.

Key words: artificial intelligence, legal personality, legal regulation, use of artificial intelligence in practical activities.

На данный момент отсутствует официальное определение понятия «искусственный интеллект», что логично, ведь из-за обширного поля охватываемых этим понятием вопросов (от систем до общих принципов архитектуры их построения) с точки зрения как технических, так и гуманитарных наук более резонно говорить о «системах искусственного интеллекта». В связи с этим в данной статье мы откажемся от рассмотрения определения искусственного интеллекта, данного в Указе Президента РФ от 14.10.2019 года «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» ввиду чрезмерной обобщенности, и сконцентрируемся на выделении юридически значимых аспектов технического определения понятия «система искусственного интеллекта».

Так, в результате анализа соответствующих пунктов международных технических стандартов ISO/IEC 22989 от июля 2022 года¹ (в основном 5.2, 5.4, 7.4)

¹ Международный технический стандарт искусственного интеллекта ISO

можно проследить наличие следующих значимых с юридической точки зрения составляющих высокоуровневых с точки зрения программной архитектуры и сложности целей использования систем искусственного интеллекта (независимо от их типа: узкий или широкий, слабый или сильный): обусловленность предела сложности выполняемых операций программной архитектурой и содержимым программы (кодом на языке программирования); наличие цели (-ей) создания и функционирования; способность самостоятельно анализировать информацию из доступных системе источников; способность самостоятельно принимать, обрабатывать и исполнять решения, обусловленных целью (-ями); способность к обучению через анализ результатов реализации собственных решений; обученность на определенных наборах данных и зависимость предположений системы относительно результатов действий на новых данных от качества и количества, а также характера данных, на которых она обучалась. Подобного мнения придерживаются И.В. Понкин и А.И. Редькина¹. В то же время Л.С. Болотова и С. Рассел вместе с П. Норвигом (последние двое - лишь частично) ассоциируют искусственный интеллект (а следовательно, и систему искусственного интеллекта как его материальное воплощение) с естественным человеческим интеллектом². Притом, Л.С. Болотова определяет решения и результаты их применения искусственным интеллектом как неотличимые от таковых у человека-эксперта в соответствующей области, что, как минимум, спорно, так как экспертность не может быть определена на одном уровне и легко изменяема от субъекта к субъекту, пусть даже все они получили идентичное образование и опыт деятельности по специальности. Неустойчивым к появлению новых правовых проблем подобное определение делает также отсутствие универсального определения рациональности, которой в своем определении оперируют С. Рассел и П. Норвиг³, и, тем более, отсутствует юридически корректное определение интеллекта, разума (о последних двух речь идет при условиях, в которых определения этих понятий не связывались бы со здравым смыслом или анализом результатов деятельности

¹ Наумов, В. Б. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта

² См.: Там же

³ См.: Там же

естественного субъекта, а носили бы обобщенно-фундаментальный характер по отношению к действиям и состоянию таких субъектов). Более того, вряд ли такие определения вообще возможны, несмотря на то, что рациональность как юридическая категория все-таки существует и применяется (например, разумный риск), однако, на наш взгляд, содержание этого понятия достаточно сильно привязано к стадии общественного развития и когнитивным способностям отдельных субъектов, оцениваемых социумом в результате анализа их социально значимых действий, т.е. опосредованно.

Ввиду сказанного выше предлагается считать корректным следующее определение: *системы искусственного интеллекта* – это система, созданная на базе технического и программного обеспечения, необходимого и достаточного (программный код, обуславливающий корректную работу системы, процессор и иные ТО и ПО) для осуществления ею следующих когнитивных функций независимо от их сопоставимости по результативности с человеческими: обязательные: способность к сбору, анализу и применению полученной информации из всех доступных ей источников; способность к планированию; способность к обобщению и абстрагированию накопленной информации; зависимость от цели (-ей), с которой (-ыми) она была создана; способность на основе этих данных с учетом цели (-ей) независимо от человека (с учетом ограничений, прописанных в программном коде) принимать, анализировать и исполнять решения, оказывая воздействие на внешний мир в пространстве (материальном или виртуальном); способность к самообучению после обучения на определенном наборе данных, обусловленном целевой функцией системы; факультативные: способность к самостоятельному глобальному целеполаганию (не связанному с достижением поставленных человеком целей); способность работать в плохо формализованной среде и условиях неопределенности решения и инструкций. Широкая и узкая системы искусственного интеллекта, вероятно, в своих определениях будут отличаться только набором и количеством целей создания: системы узкого искусственного интеллекта должны быть определены с учетом 1-2 непротиворечивых целей создания в одной предметной области деятельности / смежных областях (в

таком случае цели должны зависеть друг от друга); системы широкого искусственного интеллекта в свою очередь должны быть определены с учетом более значительного числа непротиворечивых целей из разных предметных областей деятельности.

Правосубъектность систем искусственного интеллекта по-прежнему является темой для дискуссии (вероятно, до тех пор пока не будет принят соответствующий нормативно-правовой акт): некоторые исследователи отказывают им в правосубъектности или явно склоняются к этому (например, З.И. Хисамова в своей работе ссылается на отсутствие у систем искусственного интеллекта необходимого для субъекта права наличия воли и неспособности такой системы уподобиться человеку, Е.В. Пономарева и С.М. Солеман ссылаются на необходимость быть личностью для признания субъектности), другие же полагают потенциальную возможность хотя бы частичного признания систем искусственного интеллекта субъектом права (например, В.В. Архипов и П.М. Морхат рассматривают возможность наделения систем искусственного интеллекта правосубъектностью по аналогии с юридическими лицами).

На наш взгляд, при трактовке воли в юридическом смысле в качестве способности лица осмысленно осуществлять действия в целях реализации своего правового интереса путем волеизъявления независимо от правомерности таких действий не приходится говорить об отсутствии воли у систем искусственного интеллекта. Последнее тем более верно с учетом того факта, что правосубъектность самих людей осмысливается в связи с общественным интересом (институты ограничения в дееспособности или признания недееспособным), а с принятием в расчет того факта, что человек как личность и гражданин есть такая же обучающаяся биологическая система, деятельность которых есть, в сущности, индивидуальное целевое использование рассмотренных решений и действий, данный аргумент об отсутствии воли у систем искусственного интеллекта можно считать несостоятельным. Позиция Е.В. Пономаревой и С.М. Солемана, касающаяся необходимости быть личностью для признания правосубъектности непротиворечива лишь в том случае, если под личностью понимается индивидуальная

определенность, которая с точки зрения государственного управления легко обеспечивается посредством регистрации программного кода и набора данных для обучения, а равно и водермарки соответствующих системе искусственного интеллекта, по аналогии с названием и лицензией на товарный знак у юридических лиц или гербом у публично-правовых образований.

Ввиду описанного выше допустимо было бы признать возможность существования правосубъектности системы искусственного интеллекта. Однако, как отметили В.П. Камышанский и А.В. Корецкий¹, необходимо различать специальную, ограниченную и отсутствующую дееспособность. В рамках обсуждения правосубъектности систем искусственного интеллекта нам кажется разумным обсуждать модель ее создания, основанную на таковой у юридических лиц. В таком случае необходимо будет признать возникновение правоспособности у системы с момента ее регистрации, которая может производиться путем регистрации программного кода, на основе которого работает система, набора данных, на котором она обучалась, декларируемой цели. Регистрация может быть завершена выдачей соответствующих индивидуальных признаков: ОГРН, водермарки, лицензий и т.д. Регистрацию предлагается считать завершенной и действительной в случае соответствия программного кода, набора данных для обучения задекларированной цели регистрации и деятельности электронного лица (этот факт в таком случае должен подтверждаться экспертами в цифровых науках и, в частности, в искусственном интеллекте). Правоспособность электронного лица в таком случае возникает с момента регистрации. Дееспособность электронного лица мы предлагаем ограничить возможностью осуществления сделок и приобретением права собственности в рамках, не противоречащих задекларированной цели деятельности, остальные сделки предлагается считать оспоримыми по основаниям, предусмотренным статьей 173 ГК РФ. Иные правила определения недействительности сделок предлагается оставить без изменения в отношении электрон-

¹ Хисамова, З. И. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности

ных лиц на данном этапе развития правового регулирования. Деликтоспособность электронных лиц предлагается считать аналогичной деликтоспособности юридических лиц.

Единственным учредителем электронного лица предлагается считать его правообладателя как лица, распоряжающегося исходным программным кодом как интеллектуальной собственностью. В случае, если право собственности на исходный код и приложения (набор данных и т.д.) переходят к юридическому лицу, учредителем становится председатель органа правления юридического лица. Деятельность электронного лица предлагается лицензировать по процедурам, аналогичным лицензированию юридических лиц. В случае наличия единственного учредителя электронное лицо по своим свойствам будет напоминать ИП со статусом юридического лица, в связи с чем предлагается считать минимальный уставный капитал для организации электронного лица равным такому у ИП. В таком случае не будет допущено появление систем искусственного интеллекта в качестве субъектов на рынках, на которых оно было бы крайне нежелательно (например, рынок сбыта наркотических средств с целью производства лекарственных препаратов, рынок добычи полезных ископаемых и т.д.).

Для того, чтобы электронное лицо могло правомерно действовать в юридической среде, оно должно быть способно воспринимать действующие нормы права. В связи с этим, для реализации правосубъектности систем искусственного интеллекта понадобится также создание машиночитаемых и машиноисполняемых форм права¹, а также, что немало важно, это потребует внедрения в соответствующий исходный программный код алгоритмов, позволяющих системе искусственного интеллекта трактовать действие норм права во времени и пространстве, а равно и по кругу лиц (или во всяком случае делать запросы в соответствующие юридические службы и быть способной воспринять и верно трактовать их ответ). Машиночитаемое и машиноисполняемое право может быть

¹ Понкин, И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в РегТехе, содержание, онтология и перспективы

представлено в соответствующих файлах с расширением .xml, .html и иных форматах.

Таким образом, хотя системы искусственного интеллекта еще не определены в правовом поле и вопрос их правосубъектности остается дискуссионным, допустимо будет заметить, что принципиально такое определение все же возможно и, вероятно, будет достигнуто в ближайшем будущем. Правосубъектность систем ИИ может быть определена по аналогии с таковой у юридических лиц и ИП (за исключением характеристик ИП как физического лица), однако выработка однозначной доктринальной позиции по этим вопросам все еще требует времени и апробирования таких систем.

Список литературы

1. Андреев, В. К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта / В. К. Андреев // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 58-68. – DOI 10.12737/jrl.2020.030. – EDN PZMYGR, URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42722636> (дата обращения: 14.04.2025)

2. Наумов, В. Б. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта / В. Б. Наумов, Г. Г. Камалова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2020. – Т. 15, № 1. – С. 81-93. – DOI 10.35427/2073-4522-2020-15-1-naumov-kamalova. – EDN ENQLIP, URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43035999> (дата обращения: 14.04.2025)

3. Понкин, И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerTехе, содержание, онтология и перспективы / И. В. Понкин // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – Т. 8, № 9. – С. 59-69. – EDN XFUBAY, URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43925430> (дата обращения: 14.04.2025)

4. Харитонов, Ю. С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности / Ю. С. Харитонов, В. С. Савина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 49. – С. 524-549. – DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549. – EDN YDGFTN, URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44063138> (дата обращения: 14.04.2025)

5. Хисамова, З. И. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности / З. И. Хисамова, И. Р. Бегишев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 2. – С. 96-106. – DOI 10.18384/2310-6794-2020-2-96-106. – EDN IAIDFV, URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43973633> (дата обращения: 14.04.2025)

6. Международный технический стандарт искусственного интеллекта ISO, URL: <https://www.iso.org/obp/ui/ru/#iso:std:iso-iec:22989:ed-1:v1:en> (дата обращения: 14.04.2025)

Левенчук Матвей Евгеньевич¹

студент 4 курса Института прокуратуры
Уральского государственного юридического
университета им. В.Ф. Яковлева
ytybers@mail.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ —
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ,
А ТАКЖЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Аннотация. В данной работе рассматривается внедрение технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ) в деятельность прокуратуры Российской Федерации. В условиях стремительного роста объемов информации и усложнения правоприменительной практики, применение ИИ представляет собой важный инструмент для повышения эффективности работы прокуратуры. Анализируются преимущества применения ИИ в различных аспектах, таких как аналитическая деятельность, оценка законопроектов и статистическая работа. Выявляются ключевые возможности, которые генеративные модели могут предоставить

¹ Научный руководитель: Леготин Александр Олегович, преподаватель кафедры прокурорской деятельности УрГЮУ им. В.Ф.Яковлева.